УДК 355:929 Черњајев М. Г.

Др Андрей Л. ШЕМЯКИН

ГЕНЕРАЛ „ОТ КОММЕРЦИИ“. М. Г. ЧЕРНЯЕВ В СЕРБИИ В 1879–1881 ГГ.

АПСТРАКТ: *В статье рассматривается „коммерческая“ деятельность в Сербии (1879–1881) бывшего главнокомандующего сербской армией в войне 1876 г. Михаила Григорьевича Черняева. В 1879 г. он снова прибыл в Белград – на этот раз в виде представителя русской железнодорожной компании Баранова для участия в „конкурсе“ на постройку железной дороги Белград-Ниш, которую Сербия обязалась проложить по решению Берлинского конгресса (1878). Однако, „коммерсантом“ в Сербии Черняев проявил себя столь же бездарным, как и ранее главнокомандующим, вернувшись в Россию ни с чем. Концессию на строительство дороги получил французский предприниматель Эжен Бонту.*

Кључне речи: *Сербия, железная дорога Белград-Ниш, М. Г. Черняев, П. А. Кулаковский, Н. В. Зюсман, компания Баранова, Эжен Бонту.*

В 2006 г. в белградском журнале „Токови историје“ была напечатана наша статья „Генерал М. Г. Черняев и Сербская война“.[1] В ней, опираясь на данные *первоисточников*, мы постарались показать, что из-за своих личных качеств Черняев стал олицетворением многих неприглядных психологических и поведенческих черт русского добровольческого движения – и поэтому на нем лежит немалая доля ответственности за поражение Сербии в войне с Турцией в 1876 г.

Вновь обратиться к личности М. Г. Черняева в сербском „контексте“ нас подвигли два обстоятельства.

Во-первых, исследуя иные темы, мы волей случая буквально натыкались на новые материалы, непосредственно относящиеся к Черняеву и подкрепляющие прежние выводы. Но не в этом гла-

вное… Целый ряд источников представляет отставного генерал-майора в совершенно непривычном виде – в роли „коммерсанта", причем именно в Сербии. Увы, – не будем длить интригу, – им он оказался столь же неудачливым, как и полководцем (не путать с *солдатом*), политиком и администратором, о чем уже немало говорилось в статье о Сербской войне. Но о новом его „качестве" речь впереди.

И, во-вторых, за прошедшее время появились новые работы, оставлять которые без внимания, как представляется, было бы неверно. В 2008 г. в Саратове вышел очередной выпуск „Славянского сборника",[2] В нем присутствует и статья С.А. Кочукова „К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х гг. XIX в."[3] Вообще-то, насчет *стран* Балканского полуострова в середине 70-х годов XIX в. можно говорить лишь условно – ни одна из них (кроме Греции) не была независимой вплоть до Берлинского конгресса 1878 г. А касательно М.Г. Черняева в Сербии, автор констатирует, что „дать оценку деятельности и позицию генерала по балканскому вопросу достаточно сложно".[4] Но почему? Уже введенные в научный оборот источники позволяют сделать это с полной ясностью.

Вторая статья имеет самое прямое отношение к генералу и Балканам, правда, через призму взгляда третьего – в новейшем сборнике научной серии „Историческая панорама", выпускаемой Черновицким Университетом, помещена статья О. В. Червинской „Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М. Г. Черняева в рецепции Ф. М. Достоевского (Непрочитанная страница „Дневника писателя")".[5] Здесь перед нами пример того, как „чистый" литературовед* пытается овладеть ремеслом историка, что мы только приветствуем: наука не может развиваться без междисциплинарного подхода. Однако при обращении к новому „жанру" следует „хоть немножко уважать" его базовые правила.

Мы не будем здесь подробно говорить о некорректности параллелей, проводимых автором с целью доказательства *современности* позиции Ф. М. Достоевского по сербскому вопросу, или ее представлений о „нашей исторической науке", в качестве коей выступает единственный юбилейный сборник 1979 г.[6] Обратимся сразу к Черняеву, который „ценой своей репутации, вложив все силы в сербскую ситуацию, по мнению Ф. М., сыграл в ней перво-

* М. Г. Черняев скончался 4 августа 1898 г. в родовом имении Тубышки (ныне в Могилевской области Республики Беларусь).

степенную роль, всегда держа себя достойно, что подтверждают и сохранившиеся в архивах свидетельства современников, но сегодня напрочь забытый".[7]

Относительно эмоционально-категорического „напрочь забытый", – на наш взгляд, это своего рода неофитская резкость. Продолжением чего следует: „Сегодня историческая и яркая личность Черняева нуждается в особом слове, поскольку фактически вытеснена отовсюду – из учебников, энциклопедий, исторического дискурса, самой истории, вопреки реальному и чрезвычайно активному присутствию этого человека в узловых исторических событиях своего времени".[8**]

Подобное „слово" О. В. Червинская, по всей видимости, и обнаружила в „Дневнике писателя":

„Должно быть, с особым интересом для историков прописаны Ф. М. Достоевским многочисленные и достоверные исторические портреты современников", в ряду которых личность генерала М. Г. Черняева занимает особое место, ведь его „имя <…> в контексте размышлений Достоевского о сербском вопросе является ключевым". И далее дается сам портрет из „Дневника" – эта „наиболее отточенная характеристика генерала" (по мнению исследовательницы). Итак: „Он создал в Сербии армию, он выказал строгий, твердый, неуклонный характер. Кроме того, отправляясь в Сербию, он рисковал всей своей военной славой, уже приобретенной в России, а стало быть, и своим будущим <…>. Армия, с которой он выступил, состояла из милиции, из новобранцев, никогда не знавших ружья, из мирных граждан, прямо от сохи. Риск был чрезвычайный, успех сомнительный. Армия его, впрочем, не может уже более ждать ниоткуда поддержки, тогда как неприятельская может чрезвычайно возрасти в силах. К тому же политические соображения сербского правительства могут сильно помешать ему довести свое дело до конца. Тем не менее это лицо уже обозначилось твердо и ясно: военный талант его бесспорен <…>. Замечательно, что с отъезда своего в Сербию он в России приобрел чрезвычайную популярность, его имя стало народным".[9]

** Согласиться с этим пассажем никак невозможно. Приведем пример недавней и крайне взвешенной оценки действий Черняева на Балканах: „Не лучшим образом проявил себя и главнокомандующий генерал Черняев, который планировал осуществить вторжение в Болгарию, занять Софию и пополнить там армию за счет добровольцев-болгар. Но этот план сразу же провалился – Черняев, который ни разу не командовал крупными армейскими соединениями, не справился с руководством импровизированным крестьянским войском. Личная храбрость генерала не могла исправить его ошибок" (Айрапетов О. Р., *Внешняя политика Российской империи (1801–1914),* Москва, 2006, стр. 313).

Однако „особый интерес" у историков этот „достоверный" портрет М. Г. Черняева, вышедший из-под пера классика, вряд ли вызовет (хотя, кто знает, ибо есть еще апологеты генерала). Как в первой статье мы привели *конкретные* источники и факты по каждому из качеств, перечисленных Достоевским, так и ниже приведем таковые, делая особый акцент на „строгом, твердом и неуклонном характере" – несущей опоре всего панегирика.

* * *

Но сначала, „стыкуя" старый и новый тексты о Черняеве, процитируем заключение более раннего.[10]

Очевидно, что как военный руководитель, Черняев показал себя человеком с явным несоответствием способностей и амбиций. Весьма посредственые способности уживались с крайне гипертрофированным самомнением. Воинский начальник третьего эшелона (в 1886 г. он был уволен в отставку в чине генерал-лейтенанта), никогда не командовавший дивизией, мнил себя самостоятельной фигурой стратегического масштаба. Поэтому и пост *главнокомандующего* – пусть даже сербской крестьянской милиции – так грел ему душу… В результате, – случилось то, что и должно было случиться, несмотря на все позднейшие самооправдания.

Как борец за „славянское дело", М. Г. Черняев особо нагляден в сравнении с Н. Н. Раевским*. И даже самое приблизительное их сопоставление показывает, что перед нами – две отличные позиции, причем практически во всем: в восприятии ими славянской идеи, в мотивах пребывания в Сербии, в трактовке самого понятия „доброволец". Что, думается, позволяет более точно определить место каждого из них в иерархии добровольческого движения – не по звездам на погонах, разумеется.

Группировать добровольцев по различным категориям, в зависимости от взглядов, мотивов и личных качеств, начали еще сами участники Сербской войны. Так, офицер и публицист Н. В. Максимов подразделил их на пять групп. В первой находились идеалисты, „строго-сознательно явившиеся в Сербию, в силу святого увлечения идеей борьбы за свободу и независимость родственного народа".

---

* Раевский Николай Николаевич (1839–1876) – полковник, внук генерала от кавалерии Н. Н. Раевского (бородинского героя). В 1876 г. – доброволец в Сербии. Погиб 20 августа в бою у селения Горни Адровац… Подробнее об участии Раевского в Сербской войне и его взаимоотношениях с Черняевым см.: Шемјакин А., *Смрт грофа Вронског*, (друго издање), Београд, 2006.

Во второй – „люди честные, но разбитые жизнью, измученные, много страдавшие, явившиеся в Сербию с открытым, бесстрашным взглядом в глаза смерти". Третья, и самая многочисленная, оказалась на Балканах „под влиянием возбужденных чувств…". Четвертая „состояла из искателей приключений, из жаждущих славы, высшего положения, увлекавшихся повышениями, наградами в виду удобного случая". Ну, а пятая – „из всякого праздношатающегося в России люда".

К категории „идеалистов" следует отнести Раевского – одного из тех, кто сохранил в Сербии честь русского имени. Черняев же, на наш взгляд, заслуживает место в группе „жаждущих славы", вполне подтверждая вердикт Максимова: „Эти люди встали во главе третьей категории и… испортили дело".

В данных выводах – квинтэссенция предыдущей статьи. Желающих проверить их (не) состоятельность отсылаем к ее тексту…

Ну, а теперь – обещанные новые источники, которые органично корреспондируют с данными выше оценками, во-первых, и ярко иллюстрируют миф о „мощном" характере генерала, во-вторых. Причем, что важно, они относятся к обстановке *после* Джунисского погрома, когда сей „характер" проявился особо наглядно, – генерал не умел проигрывать достойно.

Для начала дадим слово П. А. Висковатову – эмиссару И. С. Аксакова в Сербии по вопросам организации и обеспечения русских добровольцев. 4 ноября 1876 г. он писал из Белграда своему шефу:

„Уговорить М.Г. написать письмо стоило неимоверных усилий. Он то решался, то нет. Кажется, теперь сделает это и напишет с Карцевым*. М. Г. вообще выказывает удивительную слабость. Сегодня он говорит и делает одно, завтра – противоположное. Неровны и отношения его к людям. Так, он Хорватовича** поднимал до небес, теперь костит его. С Карцевым то враждует, то постоянно к нему бегает. Есть ли это следствие нервного состояния, или свойство характера, не знаю – сколько мне знаком М.Г. по прежним годам, я думаю, что в отношениях с людьми он никогда не отличался большим характером. В данную минуту он спокойнее. Просит толь-

* Карцов Андрей Николаевич (1835–1907) – русский дипломат. В 1875–1877 гг. – консул России в Белграде… В тексте письма очевидна ошибка в написании его фамилии.

** Хорватович Джура (1835–1895) – сербский военачальник, генерал. Родился в Славонии. В сербской армии с 1862 г. В 1886–1887 гг. – военный министр. Во время войны 1876 г. – командир корпуса.

ко сплавлять скорее добровольцев, которые, как всем, так и ему, надоели <…>. М.Г. по слабости своей сам распустил людей".

Это – к вопросу о „характере" Михаила Григорьевича.

А далее – уже о „политических соображениях сербского правительства", которые, по Достоевскому, „могут сильно помешать ему довести свое дело до конца": „Положение страны отчаянное. Порядка решительно никакого нет. Тут две администрации – сербская и русская. Я должен сознаться, что сам Черняев виноват в безурядице. Он решительно ничего знать не хотел о здешних порядках; вел дело по-своему и все перепутал. Милан* правду говорит, замечая, что русские отлично дрались и показали свое превосходство над сербскими войсками, но, что касается административного порядка, то он ими совершенно погублен. Да, я уверяю Вас, что М. Г. распустил сербскую администрацию (хороша ли, худа ли она была), а русскую не создал. И я, и Дандевиль**, мы пришли к результату, что все толковее и скорее все-таки сделаешь лишь при действии вместе с сербскими учреждениями, а не парализуя их деятельность <…>. О том, чтобы сделать переворот в стране (sic! – *А. Ш.*), Ч., кажется, перестал мечтать".

И, наконец, как печальный эпилог, – картина полного хаоса, охватившего Белград: „Все возвращающееся (с фронта в столицу – *А. Ш.*) бушует. Кричат, что Славянский комитет всех надул, обещая много, а теперь приходится сидеть без денег и платья. Большинство во все время пребывания здесь ничего не получало. Штаб Черняева не только не выдавал денег, которые назначал Черняев, но и посланные из России деньги не доходили. Действительно, штаб Черняева – это верх безобразия. Теперь, получив все по три креста, они оставляют Черняева, и помощи он видит немного. Народ этот, весьма им избалованный, получает по 20 и более дукатов в месяц, живет при генерале на всем готовом, в то время, как боевые офицеры редко получают даже и ассигнованные им 7 дукатов. Особенно теперь, с зимою и после джунисских дней, когда вещи и платья каждого утрачены, положение офицеров страшное. М. Г. требует частого его посещения, т.к. он устал и не видит более, что делать и как держаться <…>. Рассчитываю я так, что здесь осталось теперь тысяч до двух с небольшим (русских – *А. Ш.*).

---

* Обренович Милан (1854–1901) – князь (1868–1882), затем король (1882–1889) Сербии.

** Дандевиль Владимир Дезидериевич (1826–1907) – русский генерал и военный писатель. В 1876 г. – представитель Петербургского отдела Славянского комитета в Белграде по делам русских добровольцев.

Списков не ведено. Дандевиль просит прибавить, что сведения эти возможны при хорошо организованном штабе – здесь никакого нет. При отступлении же и даже бегстве, на этот раз, невозможно знать, кто где лежит, кто убит, кто ранен".[11]

Комментировать такую картину непросто. Тем не менее, Висковатов нисколько не сгустил красок, что подтверждает и другой очевидец. Его сообщение из сербской столицы придает завершенный вид дефиниции из предыдущего письма („штаб Черняева – это верх безобразия"), а также проливает свет на денежные вопросы, в которых, как оказалось, был „замешан" и сам генерал.

Перед нами – отрывки корреспонденции из Белграда на имя редактора „Одесского вестника" П. А. Зеленого, которая, судя по всему, так и не была опубликована: „Ноябрь 1876 г. Белград переполнен войсками <…>. При подобном наплыве военных не обходится без скандалов <…>. Всему причиной, конечно, праздность и безнаказанность*, чтобы не наделал русский, все ему с рук сходит, даже преступление остается без взыскания, что же удивляться, ежели безобразничают, да, наконец, пример всякой гадости исходит от штаба генерала Черняева. Состав этой орды до такой степени пакостный и бездарный, что становится легендарным в сербском народе, который их не иначе величает, как „русскими башибузуками". Вот один весьма характеристичный факт: после падения Джунисских высот Главный штаб бежал вслед за прочими в Парачин. Генерал Черняев приезжает прямо во дворец князя Милана, его встречает смотритель, главнокомандующий говорит ему: я остановлюсь здесь во дворце, смотритель на это отвечает: очень хорошо, Ваше Высокопревосходительство, только я осмеливаюсь

* А чем же заключалась главная причина такой „праздности и безнаказанности"? В донесении члена Петербургского отдела Славянского комитета П. С. Толстого И. С. Аксакову от 1 февраля 1877 г. читаем: „До Дюнишского (т. е. Джунисского – *А. Ш.*) погрома порядок в городе, насколько он касался добровольцев, поддерживался русскими властями; генерал Дандевиль в качестве коменданта имел постоянно подробный отчет о прибывающих и уезжающих русских, о месте их жительства и поведении <…>. Когда же после Дюнишского поражения в Белграде появился генерал Черняев, то главным распорядителем делами коменданта сделался он, а так как генерал был окончательно нравственно расстроен вследствие понесенной неудачи, то распоряжения его были не соответственны положению дел и мало последовательны. В то же время добровольцы были недовольны генералом потому, что он все в том же состоянии потерявшего самообладание человека бросил их после неудачного дела на произвол судьбы и, прибыв в Белград, не позаботился о доставке и приеме их, так что по прибытии туда они не находили ни пристанище, ни пищи. Вследствие всего этого, добровльцы почувствовали, что над ними не только нет твердой власти, но и той слабой, которая была; по неудовольствию на нее, у них явилось горячее желание не повиноваться" (Цит. по: *Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах,* Т. 1, Москва, 1961, стр. 583–584).

просить расположить офицеров вашего штаба вне дворца, так как *тут еще есть вещи, принадлежащие Его Светлости* (выделено в оригинале – *А. Ш.*). Этот ответ смотрителя достаточно характеризует мнение, которое имеют о штабе генерала Черняева <…>.

Для полной характеристики Главного штаба генерала Черняева, состоящего из более чем восьмидесяти человек, привожу здесь точную копию полученного рапорта в Белградском военном министерстве: „Довожу до сведения военного министерства о сообщенном мне на станции „Граница" происшествии. От гг. жандармских офицеров Конради и Крыжановского, равно и от кассира германской железной дороги г. Гофмана, при многих свидетелях, говоривших это, узнал я следующее. Некто, называвший себя адъютантом генерала Черняева, г. Лаврентьев возбудил подозрение безумными тратами в поездной прислуге, о чем и было сообщено выше поясненным личностям. На вопрос: „Что это за суммы?" Лаврентьев объяснил: „Пять тысяч дукатов везет он г-же Черняевой от мужа, а три тысячи дукатов получил в свое распоряжение". Зная грустное положение многих русских служащих в Моравско-Тимокской армии, зная печальную известность г. Лаврентьева, спешу сообщить Вам эти сведения для соображений. По приезде в Петербург не премину довести, какими бы путями то ни было, до сведения Военного министра генерала Милютина. 7 сентября 1876 г. Варшава. Капитан Горбаневский"".[12]

Обсуждать здесь особенно тоже, думается, нечего; присовокупим единственно, что копия, приведенная в корреспонденции, действительно точна (с малыми лексическими, но отнюдь не смысловыми, нюансами): оригинальный текст рапорта капитана Горбаневского хранится в фонде Йована Ристича, занимавшего в 1876 г. пост министра иностранных дел Сербии.[13] Вот как бывает – полевые офицеры не получали и 7 законных дукатов в месяц, а главнокомандующий отсылает супруге пять тысяч монет (!?) „Черняев поправил в Сербии свои денежные дела", – писали мы в предыдущем тексте, демонстрируя и иные образчики, как бы поделикатнее выразиться…

Это к тому, что, О. В. Червинская, помнится, утверждала, будто бы генерал „всегда держал себя достойно", что, мол, „подтверждают сохранившиеся в архивах свидетельства современников". Интересно узнать, кого именно? Нам почему-то „современники" особо высоких „достоинств" Черняева так и не подтвердили, скорее наоборот.

Приведем очередной пример. Причем столь прозрачный, что позволяет не увивать неприглядные факты в политкорректный флер, но называть вещи своими именами, или же не называть вообще – все и так ясно.

14 июня 1880 г. профессор П. А. Кулаковский, занимавший кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, оставил в дневнике запись о встрече с М. Г. Черняевым, прибывшим в сербскую столицу, как представитель компании Л. С. Полякова, – сербы, собираясь (во исполнение требований Берлинского конгресса) строить железную дорогу, выбирали подрядчика. И, кроме прочего, зафиксировал следующее: „Сам Черняев очень откровенно рассказывает, что он Полякову показал долговое обязательство князя Милана в 160 тыс. франков, которые тот занял из денег, присланных Черняеву *Славянским комитетом* (здесь и далее выделено нами – *А. Ш.*), и на которые он рассчитывает, как на *свое* материальное вознаграждение за те *потери*, которые он понес, принявши участие в Сербской войне".[14]

Однако монарх, проводивший лето на австрийских курортах, не спешил вернуться на родину. „Князь все не едет, а, приехав, едва ли найдет то, что нужно от него Черняеву", – без особого энтузиазма сообщал Кулаковский И. С. Аксакову 9 августа.[15] Но нет, все же нашел! И, как результат, новая запись в дневнике от 4 октября: „Долг князя Милана в 160 тыс. франков Черняев взял уже, по словам Персиани*"...[16]

* * *

А теперь пришла пора „перевоплощений": М. Г. Черняев – „коммерсант" в Сербии. Главные наши источники – дневник и переписка профессора П. А. Кулаковского.

Итак, как уже упоминалось, после Берлинского конгресса встал вопрос о постройке сербской железной дороги. В качестве возможных подрядчиков из России, конкурировали две компании: Баранова и Мамонтова, получившие рекомендации правительства. Черняев же прибыл в Белград в начале 1879 г. как представитель третьей – Полякова, причем без всяких рекомендаций, надеясь,

* Персиани Александр Иванович (1841–1896) – русский дипломат. В 1877–1895 гг. – дипломатический представитель России в Сербии (последовательно – дипломатический агент и генеральный консул; министр-резидент; чрезвычайный и полномочный посланник).

судя по всему, на свое имя. „Экспансивный и болезненно самолюбивый Черняев ожидал, что его в Сербии встретят с распростертыми объятиями и не сомневался, что он немедленно получит все, чего добивался", – подчеркивал создатель кафедры истории славян Истфака МГУ В. И. Пичета. Но… „действительность разбила все его иллюзии".[17]

Оценивая сам факт трансформации генерала в „коммерсанта", Кулаковский писал в дневнике: „Черняев – из того типа „идеально-бродяжнического" людей, если так можно выразиться, которые к России присоединяли целые области. Удивительно, как в нем уживаются рядом величайшие идеальные порывы с какой-то материальной, невероятной для него, чертой. Для меня, во всяком случае, объяснима его железнодорожная компания с Поляковым только тем, что всякий человек имеет не только право, но и обязанность позаботиться о материальном обеспечении себя и своего семейства. Средство, выбранное им, никак не бесчестное. Но с другой стороны, я, во всяком случае, не могу назвать его по душе прекрасным средством, потому что оно заключается в торговле своей репутацией и славой"...[18] Точнее, думается, не скажешь. И еще: „Было бы, признаюсь, больно, если бы Черняев из чистого деятеля идеи обратился в практика, строящего в Сербии железные дороги". И наконец: „Как-то трудно себе представить Черняева, стоявшего во главе войны славянской, строителем-железнодорожником"[19]… Но встает вопрос – а мог ли он вообще „строить железные дороги" (как ранее – администрировать, заниматься политикой, водить *крупные* группы войск)?

О коммерческих „способностях" генерала русский ученый сообщал И. С. Аксакову: „Надежд на то, чтобы Черняев что-нибудь здесь получил, никаких. Сам Черняев в начале положительно не знал, чего хотел: он и условий не представлял для постройки железной дороги, а с другой стороны, ничего не будет и по политическим причинам".[20] И далее – „Черняев здесь <…> был принят очень сухо. С одной стороны, сербское правительство хотело бы подслужиться к Австрии, которую очень боится, – и поэтому не хотело хорошим приемом Черняева напугать Швабию, с другой, сам Черняев кругом виноват. Он привез предложение какой-то железнодорожной компании, и когда Ристич ему сказал, что он воспользуется только компанией рекомендованной правительством нашим, а таких две, то Черняев стал утверждать, что сербы не должны полагаться на наше правительство, потому что оно находится в самом шатком положении и т.д. Это было так неуместно, что Ристич тотчас стал

заступаться за наше правительство перед русским генералом".[21] „Он бестактен в речах и поступках", – подводится итог.[22]

10 декабря 1880 г. следует новая запись в дневнике Кулаковского: „Черняев еще в Белграде. Несчастный человек! Он делает глупости за глупостями".[23] Примеры таких „глупостей" находим здесь же. Одним из агентов Черняева в Сербии был небезызвестный Н.В. Зюсман – экс-доброволец войны 1876 г. (ни разу, правда, не участвовавший в боях, и оставшийся в Сербии корреспондентом русских газет), редкий аферист и пройдоха.[24] Так вот, он „объявил, что подкупил скупщинаров провалить на скупщине предложение одного бельгийского банка (союзника конкурирующей фирмы Баранова. – *А. Ш.*) и что обещал им дать 50 червонцев <…>. Черняев, приехав сюда в мае, дал ему эти 50 червонцев*. Теперь Черняев признается, что он давал ему 100 руб. в месяц в течение года. Мало того, Черняев мне говорил, что он подсылал его подкупить „Заставу"**. Он посылал его для каких-то интриг в Австрию и внутренность Сербии"[25]…

В январе – очередное письмо Аксакову: „Черняев все еще тут. Право, это больной человек. Из его дела едва ли что-нибудь может выйти: и уважаю его, а готов и ругаться иногда с ним. Его обирают, надувают, ему льстят в глаза, лгут на него за его спиной, он всякому слуху, всякой лжи верит. Просто больно за него. Сделался он подозрительным и болезненно раздражительным".[z]

Месяц спустя Кулаковский уже не информирует Аксакова, но прямо-таки взывает к нему: „Пишу к Вам по совершенно особенному делу – именно о М. Г. Черняеве. Я начинаю бояться за него,

---

* В январе 1881 г. пришедшее на смену либералам Й. Ристича правительство напредняков во главе с Миланом Пирочанцем изгнало Зюсмана из Сербии. И, как видим, за дело. При этом, Черняев в письме И. С. Аксакову, ничтоже сумняшеся, отрицал очевидные факты собственной и Зюсмана *незаконной* деятельности, представляя того невинной жертвой: „Подателя этого письма, Зюсмана, выслали отсюда без всякой вины из одного опасения, чтобы он не мутил скупщины" (См.: Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., *Голос Минувшего,* № 9 (сентябрь), 1915, стр. 240)… Еще одно указание на то, что русские „мутили", находим у сербов. В 1897 г. Пайя Михайлович записал в дневнике: „Алимпие Васильевич говорил мне, что, при обсуждении вопроса о железной дороге, одним из конкурентов Бонту был генерал Черняев", и что радикалам (ярым противникам соглашения с Бонту) „Черняев дал 20 тысяч рублей. Он уверял меня, что об этом, в крайне доверительной форме, ему рассказывал сам генерал" (Михаjловић П., *Дневници,* приредила Ј. Миланoвић, Београд, 2010, стр. 191–192). И сам Васильевич писал о том в мемуарах, упомяная те же 20 тысяч, правда, – не рублей, а *динаров* (Васиљевић А., *Моје успомене,* приредио Р. Љушић, Београд, 1990, стр. 144).

** „Застава" („Знамя") – орган Сербской либеральной партии (в Воеводине). Выходила в Новом Саде на сербском языке.

да и он сам начинает бояться за себя. Сегодня он приезжал к нам, я был на лекциях, он долго разговаривал с женой. Она вынесла впечатление, что он ставит вопрос о своей удаче или неудаче здесь равносильным вопросу о жизни и смерти. Что это впечатление верно, доказывается тем, что я слышал от него сегодня, когда встретил на дороге, возвращаясь из Великой школы домой. Он мне сказал, что ему писала жена письмо, в котором его чуть ли не упрекает, что выбора ему не остается, <…> что благоприятное или неблагоприятное решение дела почти решит, жить ли ему или умереть, что он истратил массу денег*, что в России его ждут долги и голод и т.д. Он, очевидно, сознает сам, что ему нужно ехать, но по природе людей усталых и неудачников, он ни на что не решается и все ждет случая. А между тем, он здесь ни с кем не ужился: когда был Ристич на власти, он был с ним на ножах и хвалил тогдашнюю оппозицию, теперь всюду видит обиду себе со стороны теперешних властей <…>.

С Персиани он не в ладах, хотя Персиани, по крайней мере с виду, отдает ему все почтение. Но не стану того передавать, что Персиани говорит о Черняеве**, и Черняев о Персиани: это все печально очень, хотя – если хотите – оба правы. Персиани, впрочем, имеет больше правды на своей стороне: оно и понятно, Персиани – здоров, Черняев – положительно болен".[27]

А еще через 10 дней – откровенная просьба вернуть того в Москву: „С Черняевым нахожусь я в отличных отношениях. Я уважаю искренно и даже люблю этого человека, и поэтому я было хотел писать Вам, чтобы Вы своими письмами к нему вызвали его отсюда <…>. Он иногда доходит до такого нервного раздражения, что сам боится за свою голову, а искренность его такова, что он сам говорит, что удача или неудача в железнодорожном вопросе может ему представить необходимость выбрать „жизнь или смерть" <…> Вы бы сделали доброе дело, если бы иногда писали Черняеву

* Вопрос – на что? „Как только он приехал, – информировал Кулаковский Аксакова, – его окружила всякая шваль, выманивала у него деньги, он просто кидал червонцы в разные стороны. Всем, кто бы у него не просил, он давал, и иногда подачки доходили до 25 червонцев одному лицу". (Письма М. Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 243). Присовокупить к тому содержание Зюсмана и прочих „прихлебателей, которых у него так много" (Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского дома). Далее – РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 15 об.), оплату их и своих собственных афер, и все станет ясно… Но ведь были ж у него 160 тысяч франков „гонорара" за Сербскую войну!?

** В дневнике Кулаковский не скрывал этого: „Я теперь все более и более прихожу к заключению, что Черняев действительно сходит с ума, как выражается о нем Персиани" (РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 17 (запись от 26 января 1881 г.)).

в успокоительном тоне насчет отъезда и существования в России <…>.

Черняев живет впечатлениями, и как первоначально был рад падению Ристича и приветствовал новый кабинет, так после стал утверждать, что он австрийский. Признаюсь Вам и только Вам прямо: пока был Ристич у власти, он еле удостаивал М. Гр-ча своего разговора, теперь ухаживает; теперешнее правительство, как оппозиция, кланялось в пояс Черняеву, теперь от него бегает. С ним сербы – подлецы и играют как с ребенком: он это начинает понимать. Я его предупреждал, сколько мог, но Вы знаете его раздражительный характер".[ab] И еще, чуть позже (в марте): „Хотя я очень уважаю М. Г. Черняева, но прошу Вас не всегда верить ему: это больной человек с раздраженными нервами и раздраженной мыслью. В Белграде он часто видел совсем навыворот вещи и нередко принимал за правду самую нелепую ложь, самый дикий вымысел".[29]

И, как итог, из дневника: „Редко встречаются подобные ему люди по легкомыслию и безрасчетной, до глупости доходящей, доверчивости. В сущности, Черняев уже отпетый покончанный человек, – и правы те, которые его называют авантюристом. Я бы прибавил слово *несчастный* – как эпитет к этому имени (выделено в оригинале – *А. Ш.*)".[30]

В конце концов, генерал не получил в Сербии ничего и был вынужден собираться в Россию, „не солоно хлебавши"*. Единственным позитивным результатом его пребывания в этой стране стало сооружение обелиска павшим русским добровольцам – в окрестностях Алексинаца, на высоте Руевица. 10 августа 1880 г. Кулаковский писал В. И. Ламанскому: „В Сербии теперь М. Г. Черняев, приехавший в качестве представителя железнодорожной компании Полякова. Теперь он в Алексинце по делу задуманного им памятника в память убитых и умерших здесь добровольцев 1876 г. Об этом плане сообщено И. С. Аксакову, и он старается найти отзыв среди москвичей и русских богатых людей".[31] Аксаков объявил подписку на памятник[32], давшую необходимые средства. По свидетельству Кулаковского, он „стоил около 40.000 франков, из которых 10-15 тыс. украдено"...[33]

* Подряд на строительство железной дороги Белград-Ниш получила французская компания „Юнион Женераль" (во главе с Эженом Бонту), тесно связанная с венским „Ландербанком".

Свое фиаско (т. е. передачу дороги не ему – Черняеву!, а „какому-то" Э. Бонту) наш герой воспринял крайне болезненно. Он, как мы наблюдали, не умел проигрывать, всегда ища причины собственных неудач где угодно, но только не в себе самом, – немало данных о том есть и в первой статье**. Вот и теперь (в письмах Аксакову) он гневно обрушился на сербскую интеллигенцию – „виновницу" всех его бед. „Недоразвитая, полуграмотная, без религии, без всякого нравственного воспитания, без малейшего чувства долга", да к тому пребывающая во „враждебном настроении к России и всему русскому" – нещадно костит ее генерал.[34]

В поисках причин подобного состояния, он никак не мог не пуститься в „больные воспоминания" (по выражению Кулаковского),[35] с тем, чтобы, Бог знает, в который раз, и, наверное, уже инстинктивно, оправдаться за *тот* провал: „Нельзя приписать эту вражду исключительно тому, что мы присудили Пирот с округом болгарам, а не сербам, – это только подлило масла в огонь. Эта вражда существовала задолго до С.-Стефанского договора и обнаружилась весьма резко в 1876 г.". И далее: „Мне кажется, что причина вражды заключается во внутреннем сознании сербской интеллигенции своей несостоятельности, которая должна обнаружиться при соприкосновении с народом более образованным". Поэтому-то „сербская интеллигенция и возненавидела добровольцев. Она увидела их превосходство и считала себя приниженной. Она сознавала, что почва уходит из-под ее ног, и нравственное значение русских день ото дня усиливается <…>. Из 360 офицеров, участвовавших в войне 1876 г., сколько припомню, 2 убито и 8 ранено. Наши добровольцы, начавшие прибывать в середине войны, легли наполовину".[36]

** Как собственных поражений, Михаил Григорьевич не мог терпеть ни малейшей критики – вплоть до поистине *дуэльного* возбуждения. Сохранилось его письмо редактору газеты „Голос" А. А. Краевскому от 25 марта 1878 г.: „В газете Вашей, при обсуждении моей публичной деятельности, неоднократно встречались выходки противу моей личности. Всему есть предел, и потому предупреждаю, что при первой малейшей в Вашей газете выходке против меня Вы будете иметь дело лично со мною. Прибавлю к этому, что отсутствие мое из Петербурга, как бы оно продолжительно не было, не избавит Вас от заслуженного возмездия" (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 1226). Вот так… Говоря откровенно, это чем-то напоминает пафос О.В. Червинской, настоятельно призывающей сказать „особое слово" о Черняеве. Кстати, она не первая, кто открытым текстом приглашает историков возвести генерала на пьедестал. Более полувека назад, в октябре 1951 г., дочь Михаила Григорьевича, Надежда Михайловна, обратилась с похожей просьбой к академику А. М. Панкратовой – „Надеюсь, что, как автор пользующихся успехом переиздаваемых Вами учебников, Вы найдете возможным более справедливо, чем это было до сих пор, оценить деятельность моего отца М. Г. Черняева" (Там же, Ф. 1009, Д. 10, Л. 5).

Оставляя без комментариев эти высокопарные тирады генерала (без нас говорящие сами за себя), отнесем последние цифры к его совести: настоль они злобно тенденциозны. При этом, интересно, – учел ли он в числе „двух“ убиенных сербских офицеров и майора Стевана Велимировича, который, после незаслуженного разноса с публичным обвинением в трусости со стороны „разгоряченного“ командующего, покончил жизнь самоубийством, бросившись в воды Моравы (его ординарец Христофор Стефанович также застрелился от стыда)?.. Забыл, наверное.

Раздражение Черняева было так велико, что он предлагал И. С. Аксакову чуть ли не порвать с Белградом дипотношения: „Посоветуйте в „Руси“ уволить Персиани в отпуск, а на время его отсутствия пусть останется один секретарь, вновь же назначенного второго секретаря Богданова не присылать“.[37] Именно так, „по-государственному“, оценивал себя генерал.

Показательно, – в качестве единственного средства „лечения“ сербов, он прописал им… „подпасть на время под власть Австрии“, поскольку „только бессердечное немецкое иго может переродить здешнюю интеллигенцию, которая сама на ноги стать не может“.[38]

Вот так! Былой „борец за сербское объединение, – резюмирует В. И. Пичета, – <…> Черняев кончил тем, что был готов отдать всех сербов австрийцам, словно в отместку за постигшие его неудачи и австрийскую ориентациию сербского правительства после 1878 г.“,[39] которая, заметим, во многом была спровоцирована именно политикой Петербурга.

Но критика (на грани прямых оскорблений) – критикой, однако, пора бы и о родине подумать: „Черняев уехал, наконец-то, во вторник 4 марта. Этот сумасшедший человек, кажется, питает надежды при новом государе сделаться министром военным, но еще курьезнее, он об этом говорит уже здесь иным сербам. Висковатову он сказал, что он бы не мешал Бонту, если бы Бонту дал ему отступных и вознаградил бы его за издержки. Дико, но что сказал это Черняев, я вполне верю. Он мне не посмел этого сказать, потому что прежде еще я всегда выражал мнения такие, которые никогда не могли бы оправдать подобный его поступок“.[40]

В этом финальном пассаже из дневника Кулаковского в концентрированном виде содержится все, на что, помнится, особо напирали защитники генерала, – его „характер“ и „достоинство“! А, кроме того, гигантское самомнение с вытекающим из него от-

сутствием хоть мало-мальски трезвой самооценки. Что ж! Он *всегда* оставался верен себе…

Более Михаил Григорьевич в Сербии не появлялся.

* * *

И в заключение печальная иллюстрация, говорящая, на наш взгляд, куда больше о значении исторического деятеля и об истинном отношении к нему, чем проникновенные, но не подкрепленные фактами „оды". 9 августа 1898 г. известный сербский ученый Милан Миличевич зафиксировал в дневнике: „В Соборной церкви, после литургии, митрополит Иннокентий, владыка Димитрий, вместе со священниками и двумя дьяконами, отслужили панихиду по покойном генерале Михаиле Григорьевиче Черняеве*. Церковь была почти пуста: от правительства – никого, от армии – никого, и только от городской общины – два человека".[41]

Резиме

Андреј Л. Шемјакин

Генерал „од комерције". М. Г. Черњајев у Србији (1879–1881)

Кључне речи: *Србија, железница Београд–Ниш, Михаил Черњајев, Платон Кулаковски, Никандар Зусман, фирма Баранова, Ежен Бонту*

У чланку се разматра „комерцијална" активност у Србији (1879–1881) бившег команданта српске војске у рату са Турском 1876. Михаила Григорјевића Черњајева. Године 1879. он је поново дошао у Београд – сада као представник руске фирме Баранова да конкурише за изградњу железнице Београд–Ниш, коју је Србија

* М. Г. Черняев скончался 4 августа 1898 г. в родовом имении Тубышки (ныне в Могилевской области Республики Беларусь).

била обавезна да изгради према одлуци Берлинског конгреса (1878). Черњајев се показао као не баш успешан командант српске војске, а био је и веома слаб „комерцијални" агент те се вратио из Београда празних шака. За изградњу српске железнице одабран је француски предузетник Ежен Бонту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Шемякин А. Л., „Генерал М. Г. Черняев и Сербская война", *Tokovi istorije,* br. 1–2, Beograd, 2006, стр. 7–28.
2 *Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов,* Вып. 7, Саратов, 2008.
3 Кочуков С. А., „К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х годов XIX века" *Славянский сборник…*, стр. 76–83.
4 Там же, стр. 82.
5 Червинская О., „Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М. Г. Черняева в рецепции Ф. М. Достоевского (непрочитанная страница „Дневника писателя")", *Історична панорама. Збірник наукових статей,* Вип. 10, Чернівці, 2010, стр. 41–66.
6 Там же, стр. 52–54.
7 Там же, стр. 54.
8 Там же, стр. 56.
9 Там же, стр. 54–55.
10 Шемякин А. Л., „Генерал М. Г. Черняев и Сербская война…", стр. 26–27.
11 Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), Ф. 14, Д. 97, Л. 1–5.
12 Государственный архив Одесской области, Ф. 162, Оп. 1, Д. 1, Л. 119–120 об.
13 Архив Српске академије наука и уметности (далее – АСАНУ), Фонд Ј. Ристића, Инв. бр. 18/212. Сигн. XVIII/2.
14 Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), далее – РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 9 об.
15 Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., *Голос минувшего,* № 9 (сентябрь), 1915, стр. 244.
16 РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 11 об.
17 Пичета В. И., Предисловие, Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 233, 235.
18 РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 9 об (запись от 14 июня 1880 г.).
19 Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 241–242.
20 РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 44, Л. 19 (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 4 февраля 1881 г.).
21 ОР РНБ, Ф. 14, Д. 189, Л. 12 об (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1879 г.).
22 Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 243.
23 РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 14 об.
24 Подробнее о Зюсмане и его „приключениях" в Сербии см.: Шемякин А. Л., „Никола Пашич в Болгарии", *Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной,* Москва, 2010, стр. 104–107.

[25] РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 16 (запись от 16 января 1881 г.).
[26] Там же, Д. 44, Л. 13 об (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 8 января 1881 г.).
[27] Там же, Л. 18 (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 4 февраля 1881 г.).
[28] Там же, Л. 1–2 об (П. А.Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1881 г.).
[29] Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 248.
[30] РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 15 об (запись от 15 января 1881 г.).
[31] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф. 35, Оп. 1, Д. 802, Л. 8.
[32] ОР РНБ, Ф. 14, Д. 437, Л. 1.
[33] РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 44, Л. 1 об (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1881 г.).
[34] Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 239.
[35] Там же, стр. 243.
[36] Там же, стр. 238–239.
[37] Там же, стр. 241.
[38] Там же, стр. 240.
[39] Пичета В. И., Предисловие, Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг., стр. 235.
[40] РО ИРЛИ, Ф. 572, Д. 1, Л. 19 об (запись от 6 марта 1881 г.).
[41] АСАНУ, Бр. 9327/XVI (2), Дневник Милана Милићевића.